

ЭМИЛЬ ДЮРКГЕЙМ

*ПРАВИЛА
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
МЕТОДА*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 316.6
ББК 60.5
Д97

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с французского *В. Желнинова*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Дюркгейм, Эмиль.

Д97 Правила социологического метода / Эмиль Дюркгейм ; [перевод с французского В. Желнинова]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-137831-8

Эмиль Дюркгейм (1858—1917) — французский социолог и философ, профессор университетов Бордо и Сорбонны, основатель французской социологической школы, один из основоположников социологии как самостоятельной науки.

Эта книга, впервые изданная еще в 1895 году, является манифестом ее автора по новой для того времени науке — социологии. «Правила социологического метода» и поныне остаются актуальными и обсуждаемыми.

Согласно Дюркгейму, социологи без предубеждений и предрассудков должны изучать социальные факты как реальные, объективные явления, применяя строго научный метод, используемый в естественных науках.

УДК 316.6
ББК 60.5

ISBN 978-5-17-137831-8

© ООО «Издательство АСТ», 2021

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРАВИЛА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА

Предисловие

Мы настолько не привыкли к научному восприятию явлений общественной жизни, что некоторые положения, излагаемые в данной книге, способны удивить читателя. Впрочем, если наука об обществах вообще существует, то, конечно, не следует ожидать, что она будет представлять собой простой пересказ традиционных предрассудков. Скорее она должна побуждать нас к тому, чтобы мы смотрели на мир иначе, нежели это делает обычный человек, поскольку цель любой науки состоит в открытиях, и все такие открытия в большей или меньшей степени опровергают общепринятые мнения. Посему, если в социологии не приписывать здравому смыслу той авторитетности, которой он ныне лишен, но которой длительное время обладает в прочих науках (совершенно непонятно, откуда она, собственно, берется), ученый должен твердо решить для себя, что его не испугают возможные итоги исследований — при условии, что эти исследования проводились с соблюдением методологии. Если считать приверженность поиску парадоксов свойством со-

фистики, то стремление бежать от нее, когда того требуют факты, нужно признавать качеством ума, лишенного храбрости и веры в науку.

К сожалению, куда проще принять это правило в принципе или теоретически, чем последовательно его применять. Мы до сих пор склонны рассматривать все подобные вопросы в соответствии с подсказками здравого смысла, каковые непросто исключить из социологической дискуссии. Мы считаем себя свободными от уз здравого смысла, однако оно исподволь навязывает нам свои суждения. Только особая устойчивая практика в состоянии устранить этот недостаток. Просим нашего читателя постоянно помнить об этом обстоятельстве. Нужно осознавать, что образ мышления, с которым мы лучше всего знакомы, на самом деле не столько благоприятствует, сколько вредит научному осмыслению социальных явлений, а потому, следовательно, необходимо остерегаться первых впечатлений. Если уступать им без всякого сопротивления, читатель, вполне возможно, составит мнение о нашем труде, не постигнув его сути. Например, он может обвинить нас в попытках оправдать преступления — на том ложном основании, что мы рассматриваем последние как нормальные социологические явления. Но подобное возражение будет поистине ребячеством. Ведь если преступления обыденно совершаются в любом обществе, то столь же обыденным должно быть и наказание за них. Утверждение системы подавления — факт повсеместный, как и само существова-

ние преступности, а наличие этой системы существенно необходимо для обеспечения коллективного благополучия. Отсутствие преступности требует устранения различий между индивидуальными сознаниями до такой степени, каковая — по причинам, излагаемым ниже, — фактически невозможна и нежелательна. Но для отмены репрессивной системы требуется отсутствие моральной однородности, несовместимой с существованием общества. Исходя из того факта, что преступление одновременно отвратительно само по себе и вызывает отвращение других, здравый смысл ошибочно делает вывод, что преступность не может исчезнуть достаточно быстро. В духе своей привычной наивности здравый смысл не в состоянии допустить, будто нечто отгаливующее может приносить какую-то пользу. Между тем здесь нет противоречия. Разве физический организм не обладает некими отвратительными функциями, регулярное отправление которых необходимо для здоровья человека? Или разве не страшимся ли мы страданий? Но все же тот, кому они неведомы, будет чудовищем. Нормальность чего-либо и чувство отвращения, которое ею вызывается, могут даже быть тесно связаны. Если боль нормальна, ее тем не менее стараются избегать; если преступление является нормальным, его все равно осуждают¹. То

¹ Тут могут возразить, что, если здоровье содержит в себе некие отвратительные элементы, возможно ли, как мы поступаем далее, трактовать его в качестве объекта непосредственного воз-

есть наш метод отнюдь не выглядит революционным. В каком-то смысле он даже консервативен, поскольку настаивает на рассмотрении социальных фактов как явлений, природа которых, сколь бы гибкой и податливой она ни была, не подлежит изменению по прихоти. Куда опаснее учение, которое видит в этих фактах лишь результат умственных комбинаций, которые простой диалектический прием может мгновенно поставить вверх тормашками!

Точно так же, ибо нам привычно воображать общественную жизнь как логическое развитие идеальных представлений, тот метод, который ставит коллективное развитие в зависимость от объективных условий, очерченных пространственно, можно осуждать за склонность к упрощению и шаблонно-

действия? Но здесь опять-таки нет противоречия. Пусть что-то чревато уроном в своих последствиях, это что-то — лишь одно из многих полезных или существенно необходимых явлений. Если дурные последствия исправно преодолеваются противоборствующей силой, они на самом деле полезны и несколько не вредны. Да, они все равно отвратительны и сами по себе продолжают создавать потенциальную опасность, но эта опасность станет реальной только при участии чужой, внешней и враждебной силы. Именно так обстоит дело с преступлением. Зло, которое они причиняют обществу, упраздняется наказанием при условии, что последнее неотвратимо и применяется регулярно. Отсюда следует, что, не истребляя само зло, наказания поддерживают, как мы увидим, позитивные отношения в обществе наряду с основополагающими условиями коллективной жизни. Но пускай преступления оказываются, так сказать, безвредными по своей сути, чувство отвращения, ими вызываемое, все равно является обоснованным. — *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. автора.*

сти, а нас самих можно упрекнуть в материализме. Впрочем, мы с полным основанием вправе утверждать обратное. Разве на самом деле сущность спиритуализма не опирается на идею, будто психические явления нельзя выводить напрямую из явлений органических? Наш метод отчасти подразумевает приложение этого принципа к социальным фактам. Спиритуалисты отделяют психологическое от биологического, а мы отделяем психологическое от социального; подобно спиритуалистам, мы отказываемся объяснять нечто более сложное посредством чего-то простого. Правда, строго говоря, ни один из перечисленных способов не подходит нам целиком: единственное приемлемое для нас решение — это *рационалистический* подход. Ведь наша главная задача заключается в том, чтобы расширить рамки научного рационализма, распространить его на человеческое поведение, показать, что в свете прошлого его возможно свести к причинно-следственным отношениям, которые при помощи не менее рациональной операции затем могут быть преобразованы в правила будущих действий. То, что ныне принято именовать позитивизмом, есть просто следствие этого рационализма¹. Никто не поддастся соблазну выйти за пределы фактов — ни для того, чтобы их объяснить, ни для того, чтобы указать направление исследований, разве что эти факты будут сочтены

¹ Ни в коем случае не следует путать этот позитивизм с позитивной метафизикой Конта и Спенсера.

иррациональными. Если факты постижимы, они вполне приемлемы для науки и для практической деятельности; наука признает, что исчезает стремление искать вовне причины их существования, а практическая деятельность видит в полезности этих фактов одну из таких причин. Посему представляется, особенно в нашу эпоху возрождающегося мистицизма, что подобное начинание может и должно восприниматься без опасений и даже с сочувствием со стороны всех, кто, расходясь с нами в каких-то частностях, разделяет нашу веру в будущее разума.

Предисловие ко второму изданию

Впервые появившись в печати, эта книга вызвала довольно оживленное обсуждение. Текущие воззрения, оказавшись как бы в замешательстве, первоначально оборонялись столь яростно, что на протяжении некоторого времени для нас было почти невозможно быть услышанными. Даже в тех вопросах, в которых мы выражались наиболее ясно, нам безосновательно приписывались взгляды, не имевшие с нашими ничего общего; при этом подразумевалось, что, опровергая эти взгляды, опровергают и нас. Мы последовательно утверждали, что сознание, как общественное, так и индивидуальное, для нас не означает ничего субстанционального, что это просто совокупность явлений *suī generis*¹,

¹ Как таковых (*лат.*). — *Примеч. ред.*

более или менее упорядоченная, а нас обвинили в реализме и онтологическом мышлении. Мы недвусмысленно заявляли и многократно повторяли, что общественная жизнь целиком состоит из представлений, а нас обвиняли в том, что мы исключаем из социологии психический элемент. Критики даже стали возрождать против нас такие способы полемики, которые, как казалось, давным-давно исчезли окончательно. Нам приписывали взгляды, которых мы никогда не высказывали, под предлогом того, что они якобы «соответствуют нашим принципам». Впрочем, опыт доказал всю опасность такого метода, который, позволяя произвольно конструировать обсуждаемые теории, заодно обеспечивает легкую победу над ними.

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что с тех пор противодействие постепенно ослабело. Безусловно, значительное число наших утверждений по-прежнему подвергается нападкам, но это противодействие нисколько не удивляет и не побуждает жаловаться: оно благотворно, поскольку совершенно ясно, что нашим утверждениям суждено быть пересмотренными в будущем. Обобщая личную практику, неизбежно ограниченную, они непременно должны развиваться по мере расширения и углубления опыта социальной реальности. Кроме того, что касается метода, все здесь имеет лишь временный характер, ибо методы меняются с развитием науки. Тем не менее вопреки противодействию на протяжении последних лет объективная,

конкретная и методическая социология непрерывно утверждалась в обществе. Несомненно, этому во многом содействовало учреждение журнала *L'Année sociologique*¹. Охватывая одновременно всю область науки, этот журнал полнее, чем любой специальный труд, отражал понимание того, чем должна и может стать социология. Так стало очевидно, что она вовсе не обречена оставаться отделом общей философии, что она способна тесно соприкасаться с фактами, не превращаясь в упражнения для эрудитов. Поэтому нельзя не воздать должное усердию и самоотверженности наших коллег, благодаря которым это доказательство посредством фактов удалось начать и продолжить.

Однако при всей осязаемости достигнутых результатов нельзя отрицать, что былые заблуждения и путаница рассеяны еще не полностью. Вот почему мы хотим воспользоваться этим вторым изданием, чтобы прибавить еще несколько объяснений вдобавок ко всем данным ранее, ответить на некоторые критические замечания и внести по ряду вопросов дополнительные уточнения.

I

Положение, гласящее, что социальные факты должны рассматриваться как объекты — это положение лежит в основании нашего метода, — вызвало, пожалуй, больше всего возражений. Сочли па-

¹ «Социологический ежегодник» (фр.). — *Примеч. ред.*

радоксальным и возмутительным с нашей стороны уподобление реальности социального мира реальностям мира внешнего. Но здесь очевидно глубокое непонимание смысла и значения данного уподобления, цель которого состоит не в том, чтобы низвести высшие формы бытия до уровня низших форм, но, напротив, в том, чтобы востребовать для первых уровня реальности, по крайней мере равнозначного тому, который все признают за вторыми. На самом деле мы не утверждаем, что социальные факты суть материальные объекты; это объекты, сходные с материальными, пусть и не тождественные последним.

Что такое объект? Это противоположность идеи, как и то, что познается извне, противоположно тому, что познается изнутри. Объект — это всякий предмет познания, который сам по себе непостижим и непроницаем для мысли. Это все, что мы не в состоянии вообразить себе посредством простого приема мысленного анализа; это все, чего ум не в силах постичь, не выходя за пределы самого себя, путем наблюдений и экспериментов последовательно двигаясь от наиболее внешних и непосредственно доступных признаков к менее видимым и более глубоким. Трактовать факты определенного порядка как объекты отнюдь не значит помещать их в ту или иную категорию реальности; это значит составлять применительно к ним определенное умственное отношение. Это значит приступать к их изучению исходя из принципа, что человеку неведома их сущность, что их характерные свойства, как и неиз-

вестные причины, от которых они зависят, не могут быть обнаружены даже при самой тщательной интроспекции.

Если формулировать термины таким образом, то наше утверждение перестает казаться парадоксальным и становится почти банальностью, не отвергай его слишком часто те науки, которые изучают человека, прежде всего социология. Действительно, при таком понимании можно сказать, что всякий предмет познания является объектом (за исключением, может быть, математических объектов). Что касается последних, то, поскольку мы сами их конструируем, от простейших до самых сложных, нам, чтобы знать, каковы они, достаточно заглянуть внутрь себя и внутренне анализировать мыслительный процесс, из которого они проистекают. Но, когда мы обсуждаем факты *per se*¹, когда желаем создать науку из их изучения, они обязательно являются для нас неизвестными объектами, так как представления о них, которые мы составляем на протяжении жизни, сделанные без методического и критического анализа, лишены научной ценности и должны быть отвергнуты. Даже факты индивидуальной психологии отличаются этим свойством и должны рассматриваться под этим же углом зрения. В самом деле, пусть они по определению для нас внутренние, наше сознание не открывает нам ни их сущности, ни происхождения. Сознание позволяет нам узнать их

¹ В собственном смысле (*лат.*). — *Примеч. ред.*

до определенной степени, ровно так же, как ощущения позволяют воспринимать тепло и свет, звук или электричество. Наши впечатления будут смутными, мимолетными и субъективными, не приходится говорить о ясных и четких объясняющих понятиях. Именно по этой причине в текущем столетии сложилась объективная психология, основное правило которой состоит в изучении фактов сознания извне, т. е. как объектов. Уж тем более так должно быть с социальными фактами, поскольку сознание вряд ли преуспело в их постижении больше, чем в понимании собственного существования¹. Могут возразить, что раз эти факты сотворены нашими руками, то нам довольно будет осознать самих себя, чтобы узнать, что мы в них вкладываем и как формируем. Но вообще-то наибольшая часть социальных институтов достается нам в совершенно готовом виде от предшествующих поколений; мы несколько не участвуем в их формировании; следовательно, обращаясь к себе, мы не сможем обнаружить породившие их причины. Кроме того, даже если мы соучаствуем в возникновении этих фактов, нам едва ли дано разглядеть, разве что совсем смутно и практически наугад, подлинные причины, побуждающие к действию,

¹ Нетрудно показать, что для согласия с этим положением вовсе не обязательно утверждать, будто общественная жизнь включает в себя что-то еще помимо представлений. Достаточно признать, что представления, индивидуальные и коллективные, невозможно изучать посредством науки, если не подходить к ним объективно.

и постичь природу наших действий. Даже когда речь идет исключительно об индивидуальных поступках, мы очень плохо понимаем относительно простые мотивы, управляющие нами. Мы считаем себя бескорыстными, тогда как наши действия эгоистичны; мы уверены, что нас обуревают ненависть, хотя уступаем любви, что послушны разуму, когда становимся рабами иррациональных предрассудков, и т. д. Откуда же возьмется умение яснее различать причины иного уровня сложности, от которых зависят шаги, предпринимаемые группами? Ведь участие каждого в ней составляет лишь ничтожную часть общих усилий; нас окружает множество других людей, и то, что происходит в их сознании, от нас ускользает.

Таким образом, наше правило не содержит никакой метафизической концепции, никакой спекуляции по поводу основ бытия. Оно требует только, чтобы социолог погрузился в состояние духа, присущее физикам, химикам, физиологам, которые вторгаются в новую, еще не исследованную область своей науки. Проникая в социальный мир, социолог должен осознавать, что вступает в неизведанное. Он должен ощущать присутствие фактов, подчиненных неизвестным законам (некогда были неизвестными и законы жизни — до возникновения биологии как науки). Он должен готовиться к совершению открытий, которые поразят и приведут в замешательство его самого. Но социология далека от этой степени интеллектуальной зрелости. Ученый, изучающий физическую природу, остро чувствует сопротив-

ление, которое оказывает природа и которое ему крайне трудно преодолеть, а в социологии кажется, что мы находимся среди объектов, непосредственно воспринимаемых разумом, ибо как будто столь просто нам разрешать самые запутанные вопросы. При современном состоянии научного знания мы даже не знаем доподлинно сущность основных социальных институтов, будь то государство или семья, право собственности или договор, наказание или ответственность. Мы фактически не ведаем причин их появления, выполняемых ими функций, законов их развития; кое в чем мы едва начинаем улавливать какие-то проблески понимания. Но достаточно бегло просмотреть труды по социологии, чтобы заметить, насколько редко встречается ощущение этого неведения и этих трудностей. Считается как бы обязательным поучать по всем проблемам одновременно, а еще предполагается, что можно на нескольких страницах или в нескольких фразах проникнуть в суть наиболее сложных явлений. Это означает, что подобные теории выражают не факты, которые невозможно столь поспешно исчерпать, а предвзятые понятия авторов, составленные еще до начала исследования. Конечно, наше представление о коллективных практиках, об их природе, явной или мнимой, служит фактором их развития. Но само это представление есть факт, который также следует изучать извне, чтобы его установить. Ведь важно узнать не способ, каким образом тот или иной мыслитель лично воображает какой-либо институт, но группо-